

Интегративное правопонимание: содержание определения и объект исследования

Дмитрий Александрович Леусенко

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, ld08@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению закономерностей развития интегративного понимания права на основе изучения содержания природы права, осмысления элементов процесса нормогенеза/формогенеза в теории права и исследования особенностей формирования метода интегративного правопонимания. Большое внимание в статье уделяется анализу превращенной формы социальной нормы и ее роли в развитии методологии социальных наук и изучении природы права.

Ключевые слова: интегративное правопонимание, норма, нормогенез, политогенез, правогенез, превращенная форма, социальная реальность, социогенез, реальность права

Для цитирования: Леусенко Д. А. Интегративное правопонимание: содержание определения и объект исследования // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 4. С. 50–59. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-4-50-59>. EDN SBAYRP

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

Integrative legal understanding: the content of the definition and the object of the study

Dmitry A. Leusenko

South Russian Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, ld08@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of the regularities of the development of the integrative understanding of law based on the study of the content of the nature of law, the understanding of the elements of the process of normogenesis /formogenesis in the theory of law and the study of the peculiarities of the formation of the method of integrative legal understanding. Much attention is paid in the article to the analysis of the transformed form of social norm and its role in the development of the methodology of social sciences and the study of the nature of law.

Keywords: norm, normogenesis, sociogenesis, politogenesis, legal genesis, integrative legal understanding, transformed form, social reality, reality of law

For citation: Leusenko D. A. Integrative legal understanding: the content of the definition and the object of the study. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(4):50–59. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-4-50-59>. EDN SBAYRP

На протяжении последних тридцати лет разработка теории интегративного понимания права является одной из наиболее сложных теоретических проблем отечественной юридической науки. Кризисное состояние исследований в области правопонимания признается большинством теоретиков права. Интегративное правопонимание может представлять собой выход из подобного кризиса, но для этого содержание интегративного правопонимания должно обрести рамки теоретической конструкции, связанной единством принципов построения теоретических элементов, методов исследования и ясно понимаемым образом цели – пониманием

процесса складывания, формирования природы права, пониманием природы права как определенного процесса, у которого есть своя направленность, основные элементы, этапы развития, взаимодействие последовательностей¹. Для этого в свою очередь необходимо конкретное методологическое видение, которое позволяло бы понять это содержание нормы права и необходима определенная идея², которая бы позволяла бы в краткой форме интерпретировать, выразить данную природу, и тем самым определить содержание используемого метода исследования.

В силу своей определенности, ориентированности на понимание процесса складывания природы права интегративное правопонимание может являться одной из истинных парадигм, тесно взаимосвязанных с природой права настолько, насколько предметы отбрасывают тени в процессе движения солнца по небосклону, насколько точно объект исследования должен отражаться в теории права, о чем в свое время написал Дж. Берман [1, с. 25]. Разумеется, представления о том, что интегративное правопонимание является некоей совокупностью всех точек зрения о природе права, не может считаться каким-либо из возможных вариантов интегративного правопонимания. Подобная попытка, если бы она была бы предпринята, являлась бы мертворожденной, поскольку не обладала бы единством метода исследования. В таком случае, нельзя было бы говорить о том, что современная юридическая наука (а в зарубежных исследованиях, как и в отечественной науке, только наметились теоретические подходы к интегративному правопониманию) находится в состоянии кризиса, а напротив, ответ на вопрос о природе права, а точнее о содержании природы права, о процессе складывания природы права и ее влиянии на известную в теории права структуру – форма права, внешняя форма права, внутренняя форма права, форма государства, связь право и политогенеза, - уже найден, равно как и в полной мере получен ответ по поводу нормативности, формальной определенности, системности нормы права.

По-прежнему, и вопрос о внутренней форме права, о соотношении ее с внешней формой права, о содержании правового отношения с точки зрения того, меняет ли применение нормы права содержание социальной реальности, вырабатывается ли благодаря правовому отношению новая, правовая материя или нет, а также вопрос о соотношении процессов право и политогенеза, являются нерешенными в теоретическом правоведении, и тому есть немало причин. Их описание в каком-то смысле также является путем к пониманию интегративной сущности права, поскольку содержание данных вопросов является видимой частью тех серьезных проблем, которые присущи современному уровню правопонимания.

Определяющей проблемой, мета-проблемой теоретического правоведения является отсутствие или даже отказ от сколько-нибудь серьезного анализа социогенеза, характерного не только для идеологии юридического позитивизма, но и для других направлений правопонимания³. Эта проблема умножается неразвитостью понятийного аппарата социологии как союзницы юридической науки в постижении проблем общества и права в конце XIX в. – начале

¹ Из которых и складывается не просто понимание природы права, а понимание его тела, понимание содержания его природы, идеальной и невещественной.

² В истории отечественной юриспруденции начала, частичный абрис такой идеи был сформулирован в творчестве Б.А. Кистяковского в его теоретической позиции по поводу социальной нормы. Содержание исследовательской точки зрения Б.А. Кистяковского в данном вопросе может рассматриваться в качестве начал социологического нормативизма в отечественной юридической науке и одновременно как основания интегративного понимания права.

³ Подобная формулировка вполне оправдана, наличие данного термина – направление правопонимания показывает отсутствие выстроенной теории понимания права в ее целокупном состоянии единства объекта, метода и цели исследования. С другой стороны, выделение направления или направлений понимания природы права может быть оправданно тем, что направление представляет собой общий вектор, в его рамках может содержаться несколько методологических конструкций, а одной из идей, объединяющих принципы построения элементов теоретической конструкции, метод и образ цели исследования, может являться идея социологического нормативизма о значении социальной нормы для природы не только общества, но и методологии социальных наук. В данном случае идея нормативизма является не только интерпретацией, характеризующей результат процесса социогенеза, но и определяющей теоретической конструкцией для анализа социальной нормы, имеющей методологическое значение.

XX в. и общей зависимостью социальных наук от исследовательской парадигмы биологии¹. Недостатки понятийного аппарата социологии и юриспруденции в свою очередь связаны с другой мета-проблемой уже не только юридической науки, но и всей европейской теории познания, формировавшейся в обстановке противоречащих друг другу исследовательских площадок, как это было в греческой философии Демокрита, Платона и Аристотеля (о чем мы писали ранее [3]) и складывавшейся на основании цивилизационных конфликтов, когда познавательная установка, выработанная в античной философии наталкивалась на противоречия с ядром познавательной установки средневековой христианской философии [2]. В последующем в новоевропейское время в процессе формирования современной науки прежняя европейская наука в лице теологии стала противоречить новой науке, основанной на непреодолимом господстве эксперимента, который превратился в одну из догм позитивной науки.

Если мы более подробно обратимся к проблеме социогенеза, то интегративная по своему содержанию природа права² своим единым, «методологическим» для правоведа рисунком покажет вектор, направление изучения. В таком смысле вся природа права, ее социальная и юридическая совокупность, представляет интегративную по содержанию природу права, все этапы формирования права как явления с постепенно формирующейся сущностью³, и в этом смысле, как мы уже отмечали, интегративное понимание права может являться одной из немногих эффективных теорий правопонимания. И фундаментальным шагом к подобному правопониманию будет, с одной стороны, взаимосвязь между социальной и логической природой права, указанная Б.А. Кистяковским на основании анализа греческой философии как теории познания, и та исследовательская площадка, исследовательская позиция по поводу природы общности и реальности права, с другой⁴.

Известно, что определяющими признаками нормы права являются нормативность, формальная определенность, системность [4]. Это есть результат действия социальной природы права, формирующейся в процессе социогенеза, результат интегрируемой и интегрирующей природы права. К факторам формирования права следует отнести следующую группу причин⁵: экономические факторы как-то переход от присваивающей экономики к производящей, результаты неолитической революции и начало использования разного рода орудий труда, изменение структуры питания, что повлекло за собой рост численности человеческих коллективов. В результате перехода к скотоводству человек стал регулярно питаться мясом, и это способствовало увеличению популяции. Всё это в свою очередь способствовало социально-психологическим факторам рождение права, а уже рост числа конфликтов потребовал возникновения первоначальных норм.

Этот процесс одновременно и прост, и сложен для понимания. Нужно отметить, что он является в свою очередь результатом другого процесса превращения общества в общество, процесса формирования той социальной общности и того социального единства, интерпретационный образ для которого искал в своем методологическом сборнике «Право и социальные науки о праве» Б.А. Кистяковский [6]. Прежде чем представить и понять содержание правогенеза, мы должны обратить внимание на «реальность общества». В противном случае, мы

¹ Как отмечает В.В. Ершов, «поверхностное перенесение структуры как одной из категорий биологической науки в науки социальные, имело скорее негативные, нежели позитивные последствия». Цит. по: [2, с. 62].

² А она не может быть иной, необходимо найти только верный подход к проблеме природы права, без этого право не было бы тем феноменом современной цивилизации, которым оно сейчас и является.

³ Не относительно категории средневековой схоластики, а с точки зрения реализации в теле права логических взаимосвязей, последовательностей и действий элементов, которые приводят к формированию этого постепенно формирующегося тела, когда логические последовательности, выраженные в процессе развития и далее действия права, подхватываются нашим умозрением и делаются как бы видимыми нашему уму, иллюстрируя тем самым ту уже упомянутую взаимосвязь между правом и теорией права, о которой писал Дж. Берман.

⁴ Подробно об этом: [2]. Кроме того, подобная площадка может являться примером вклада Б.А. Кистяковского в неклассическую науку.

⁵ Фактор с латыни и означает группу причин. См.: [5].

не поймем реальность права. Кроме того, осознание процесса формирования общества, процесса формирования социального поля важно еще и с точки зрения понимания его ведущих элементов и природы этих элементов, которые и есть одновременно процесс делания нормы.

Основой формирования социального пространства является ценность, те ценностные убеждения, которые находятся внутри нас, внутри даже самого циничного и беспринципного человека. Они формируются благодаря нашей связи с реальностью, с физическим миром. Человеческий организм, наше сознание привыкли откликаться на окружающий мир в системе координат, а именно: плохо или хорошо, добро или это зло для меня. В рамках политогенеза, процесса формирующего первые государственные механизмы, в рамках действий первоначального лидера, подобная система координат позволяет сформировать представления о плохом и хорошем для всего общества, но, отмечая этот первоначальный путь, который ведет нас к образованию первой социальной нормы¹, нужно не забывать и о другом. Необходимо помнить о закономерностях формирования указанного нами социального пространства, поскольку, как мы уже сказали ранее, понимание реальности общества порождает реальность права, и процесс понимания этой реальности находит закрепление в правопонимании и требует своего единства, выраженного в теории правопонимания.

Социальное пространство вокруг нас порождается в результате той уже упомянутой ценности, которая существует внутри нас, нашего действия в результате этой ценности и той «случаемости», которая представляет собой реакцию окружающего мира на нас, его вызов, подобно тому, как если бы мы вышли на остановку и увидели бродячую собаку, животное, прошедшее с человеком длинный путь в процессе социогенеза. Ценности защитника животных могут нас сподвигнуть на то, чтобы зайти в ближайший магазин и купить бедняге поесть. Ценности ненавистника собак породят другую реальность – мы постараемся максимально испортить жизнь брату меньшему и даже можем позвонить с мобильного телефона в санэпидслужбу. Собака так же может выступить в качества перста судьбы и укусить нас и, таким образом, объективная «случаемость» породит уже третью реальность.

Из таких реальностей, реальных социальных случаев соткано социальное пространство вокруг нас. Мы не задумываемся, что в течение дня мы совершается десятки и сотни выборов, а среда испытывает нас на прочность. Но дело в другом: теоретически важно понимать, что социальная реальность это не какое-то абстрактное понятие, и, тем более, не череда взаимосвязанных позиций, а определенный, конкретный объект познания, который должен учитываться в рамках нашего анализа в качестве такового объекта, определенного феномена, существующего конкретно в результате взаимодействия людей с явлениями окружающего мира и другими людьми.

Такие, но коллективные реальности, переживал в процессе социогенеза и первый человек, создавая общество себе подобных. И когда сходный положительный опыт от действий в тех или иных ситуациях накапливался, то, как правило, находился первоначальный лидер, вождь, который предлагал облечь повторяющийся позитивный опыт в определенную словесную оболочку². И вот здесь, к великому сожалению, наступает момент, который практически

¹ Ведет во всем многообразии мировоззренческих позиций, начиная от изначальной объективной предположенности ценности в нашем сознании (хотя она и возникает в процессе деятельности и опыта), до представления о реальности и реализации Божьего действия над миром и человеком, результатом чего в политогенезе становится договор между Богом и людьми, что рассматривается подробно в теологических концепциях происхождения государства и права.

² Эта словесная оболочка в качестве мононорм хорошо известна сторонникам точки зрения о раннем формировании права в социальном мире первых сообществ, а применительно к теологическим концепциям происхождения государства связана с божественными заповедями «Не убий», «Не укради», «Не прелюбодействуй». В данном случае первая и вторая заповеди о любви к Богу: «Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства, да не будет у тебя других богов пред лицом Моим; Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, что на земле внизу, и что в воде ниже земли. Не поклоняйся им и не служи им; ибо Я Господь» являются в определенном смысле принципами, путями истинного познания.

не исследуется в теории права и на который не обращают внимание студентов. Вместе с тем, это один из сложных моментов в интегративном правопонимании (как справедливо отметил В.В. Лазарев, для интегративного понимания требуется своя дешифровка, свое понимание [7]). *Здесь мы видим переход, превращение содержания в форму, когда определенное, как мы уже сказали позитивное содержание, превращается в форму со словесными границами, а реальный социальный случай превращается в формулировку.* Здесь порождается превращенная форма, порождается первая социальная форма, которая и есть внутренняя форма будущей нормы права, и есть первый, интегрируемый факторами социального мира этап формирования нормы, а процесс развития социальной нормы в рамках социального мира первых сообществ превращается в закономерно онтологический источник для развития, формирования права в рамках единого процесса формогенеза.

Иными словами, формируется социальная норма и это порождается единый, интегративный по своему содержанию процесс формогенеза¹. При этом важно понимать следующее: природа социальной, еще не записанной договоренности, природа социальной установки является одной, то есть, не вещественной и вслед за ценностью, содержащей идеал о плохом или хорошем, то есть, идеальной, а природа социального случая является совсем другой: это реальность, которая происходит с людьми, с человеком и т.д. Важно понимать и иное: процесс формирования нормы связан с социальной действительностью и норма как бы располагаясь над нею, начинает разделять социальное содержание своими границами. Превращенная форма нормы своими границами разделяет социальное содержание, социальную действительность.

Для этого норма должна обладать своим главным качеством – быть нормативной. Это то же самое, второй синоним нормы, как выражение ее качества по отношению к реальности, к будущему действию, когда *нормативность* нормы, ее способность иметь границы позволяет ей осуществлять процесс *нормированности*, то есть, *разделять своими границами содержание социальной жизни, создавая такую нормированную жизнь и такое состояние нормированности, которое и называется обществом.* Благодаря этому у нас рождается совершенно свободно, вне каких-либо научных идеологий понимание того, что, во-первых, норма имеет идеальную, невещественную природу по сравнению с социальным случаем и социальной действительностью, во-вторых, норма складывается из определенных логических последовательностей, а ее границы, ее форма есть результат определенного процесса, превращения содержания в форму, который в свою очередь связан с группой уже упомянутых причин-факторов.

Первый этап социогенеза связан с тем, что возникает положительный для всех социальный опыт реальная конкретная ситуация положительная для всех. Затем кто-то, первоначальный лидер, жрец, вождь придумывает социальную ход, социальную инженерию о том, что не нужно каждый раз проходить весь социальный путь, ведущий к положительному социальному опыту. Достаточно устно договориться в соблюдении определенных правил, нуждающихся в закреплении. В этом заключается роль первоначального лидера. Но теперь это уже не конкретный социальный случай, а просто словесная оболочка, которая своими границами начинает разделять действительное социальное содержание, социальную реальность.

В результате рождается три очень важных следствия, организующих процесс социо- и правогенеза. Во-первых, образуется первоначальная социальная форма, она выражена словесно установленными границами нормы, которые отображают нормативность как главный признак природы нормы, главное качество нормы. Во-вторых, порождается взаимосвязь словесной, а точнее идеальной природы нормы с реальным социальным случаем, когда эта первоначальная

¹ Одновременно становится понятен горячий спор Б.А. Кистяковского с Р. Штаммлером и «молодым автором» Г. Кельзеном, который он ведет в своей методологической работе «Право и науки о праве», спор о том, что понимание природы права необходимо начинать от социальной природы права. С этой точки зрения более понятным представляется и другое его «загадочное» утверждение после этой полемики, тезис о том, что поняв природу общества, мы познаем природу не общества..., а природу «методологии социальных наук». То есть, мы можем построить на такой исследовательской установке и подобном понимании природы общества теоретическую и методологическую конструкцию, которая выражала бы в себе природу права.

социальная форма разделяется социальное содержание, таким образом, нормируя его. Иначе говоря, нормативность как главное качество нормы делает возможным процесс нормирования, когда норма разделяет социальную действительность. В-третьих, идеальная природа нормы формируется благодаря системообразующему значению социальной ценности, содержащей в себе формирующуюся в процессе деятельности человека возможность различать положительное и отрицательное для себя, которая на коллективном уровне в условиях получившей уже общее, социальное значение необходимости разрешения какой-то крупной проблемы для будущего сообщества (защита своей территории, удержание воды на полях в наиболее древних государствах) и трансформирующейся до политической роли вождя-лидера в рамках решения данной проблемы, порождает социальное взаимодействие, социальную природу нормы и общества, в результате чего запускается процесс создания государства, которое завершает процесс формообразования, создавая записанное в специальных текстах, посредством специальной процедуры, специальными органами онтологическое продолжение социальных норм – право.

Важно понимать идеальную невещественную природу права, которая создаётся в процессе созидания социальной формы, в процессе превращения социального содержания в форму со словесными границами. К сожалению, в теории права социальная норма рассматривается как данность, не рассматривается процесс развития социальной нормы.

Благодаря тому, что нормативность реализуется в нормированности получается так, что природа права или природа нормы обуславливает действие права, нормативность способствует нормированности. Нормативность как определённое состояние нормы способствует нормированности, она превращается в тот бензин, который ведёт к действию права.

Благодаря такому подходу мы можем понять, что процесс нормогенеза состоит из определённых элементов, благодаря такому подходу мы воспринимаем норму не как некое определение, а как определённые социальный процесс порождения нормы, когда экономический, социальный, политический, демографический факторы создают форму нормы, благодаря чему мы видим что процесс социогенеза есть формогенез.

Право есть процесс нормирования, осуществляемый на основе нормативности нормы и реализации функции государства, но это есть постепенно формирующийся процесс, а право есть явление с постепенно формирующийся сущностью и поэтому главным является не само определение, а понимание процесса нормогенеза и его единство социальной и юридической природы нормы, где социальная природа, социальная форма есть онтологическое начало нормы права¹, а с точки зрения закона как внешней формы права, это начало является внутренней формой права. Кроме того, подобный анализ помогает избежать идеологически ориентированных точек зрения на право.

Понятие о превращенной форме и введение его в теоретическое правоведение является очень важным, поскольку, во-первых, мы находимся вне рамок мировоззренческих, идеологических предпочтений в науке. Ориентируясь только на содержание механизма превращения, мы можем говорить о идеальной, невещественной природе права. Во-вторых, мы можем говорить о конкретном содержании процесса нормогенеза благодаря данному понятию. В-третьих, мы можем поднять на новый уровень решение вопроса о форме в теоретическом познании, без которого невозможно дальнейшее развитие теоретического правоведения.

При этом важно отметить, еще одно теоретическое достоинство подобного подхода: вышеперечисленные новые элементы анализа проблемы правопонимания формируются не только благодаря содержанию природы данного момента, но таким образом мы можем представить, переложить содержание данной природы в рамки определенной теоретической конструкции, так как процесс нормогенеза с точки зрения его теоретического осмысления вплоть до нормы права представляет собой процесс формогенеза, *оставаясь таким и на содержательном конкретно-историческом уровне развития формы*, а это очень важно, поскольку в свою очередь позволяет поднять на новый уровень интерпретационные возможности

¹ К сожалению, практически единственной работой, посвященной онтологии права, является одноименная работа одного из старейших членов Конституционного суда Российской Федерации Г.А. Гаджиева. См. [8].

теоретической конструкции в юридической науке. В таком случае становится понятной еще одна теоретическая догадка Б.А. Кистяковского: о том, что формирование нормы права сродни формированию теоретического понятия.

На основе истинного понимания нормогенеза/формогенеза мы можем создать теоретическую конструкцию, моделирующую процесс развития нормы права, увидеть в тексте конкретные этапы формирования нормы права *на основании этого момента перехода* в рамки теоретической конструкции, не столько с точки зрения теоретических усилий исследователя, а благодаря этому единству нормы в форме, нормы как формы. Так и на основе понимания этого единства мы можем увидеть не только единство процесса образования права от социального мира вплоть до нормы права, что закономерно отображает в правопонимании для нас интегрирующуюся и интегративную по результату природу права, но и увидеть в учении Б.А. Кистяковского о социальной природе права конкретные элементы для развития теоретического правоведения на основе понимания интегративной природы права. Прежде всего, речь идет о его понимании роли социальной нормы в методологии социальных наук, о необходимости детальнейшего анализа социальной нормы для нужд методологии права, и о возможности построения подобной теоретической конструкции в правоведении, своими элементами, своими узорами, описывающей природу права на основе постулируемого им «научного идеализма»¹. В этом смысле следует еще раз упомянуть важное теоретическое высказывание В.В. Лазарева о том, что интегративное понимание права так же нуждается в своей интерпретации. Интегративная природа права в силу данного момента лояльности теоретической конструкции должна быть понята посредством определенного интерпретационного ключа, интерпретационного механизма, который бы по своей сути и отражал реальную историческую последовательность взаимодействия элементов нормогенеза, базировался бы на описании данного процесса, был бы объяснением этого механизма, а в результате пояснял бы и возникающее в истории теоретическое единство этого возможного перехода содержания формогенеза на уровень теоретической конструкции в качестве такого «онтического» момента, о чем пишет позднее Б.А. Кистяковский другой уроженец Российской империи, будущий известный онтолог Н. Гартман и чему удивляется, иначе не скажешь, Б.А. Кистяковский и вторит его удивлению спустя тридцать лет будущий маститый социолог Т. Парсонс. Теоретическая позиция социологического нормативизма вполне может выступать в качестве подобной интерпретационной идеи. В результате мы можем видеть отдельные элементы интегративного правопонимания в творчестве правоведов прошлого, с одной стороны, и те элементы в теории познания, которые мешают до сих пор в познании закономерностей интегративного правопонимания, с другой стороны.

Прежде всего, следует сказать о неразвитости теории формы в европейской теории познания как следствии ранее упомянутых цивилизационных противоречий, злословий в данной теории. В работе «Интегративное правопонимание» мы приводим исследование представителя малоизвестной, забытой школы логики В. Татаркевича «Исследование шести понятий» [9]. Один из его разделов посвящен изучению генезиса понятия формы в европейской теории познания. Как отмечает В. Татаркевич, данный термин является одним из самых долговечных и самых многозначных терминов. Латинское слово «*forma*», которое вошло без изменений в итальянский, испанский, польский, русский языки, и с незначительными изменениями во французский («*forme*»), английский и немецкий языки («*form*» в обоих случаях), представляет собой замену двух греческих терминов «*morfe*» и «*eidos*», первый из которых «главным образом означал видимые формы, а второй – понятийные» [9, с. 232]. Именно благодаря такому сочетанию, по мнению В. Татаркевича, возникли сразу несколько значений понятия форма в европейской теории познания, среди которых польский специалист по логике научного познания выделяет понятие формы как понятийной сущности предмета, изобретенное Аристотелем, понятие формы у И. Канта, которая «есть то же, что и вклад разума в познаваемый

¹ Не следует путать такое понимание с пониманием идеализма в философии. Б.А. Кистяковский вкладывал совсем другое содержание в свой «научный идеализм».

предмет» [9, с.232], и понятие, получившее развитие в эстетике, связанное с соотношением частей. Противоположностью или коррелятом формы в этом случае являются элементы, составляющие, части, которые форма соединяет, собирает в целостность. Подобные корреляты или работающие элементы свойственны всем формам: форме Аристотеля противоположены случайные свойства предмета, форме Канта соответствует то, что привносится разуму извне («а то, что «не создано и не привнесено разумом, но дано ему извне в опыте») [8, с. 232]. Другие понятия формы, а их В. Татаркевич выделяет очень много, более десятка (но нигде не присутствует понятие социальной формы, формы социальных явлений), также имеют свои корреляты. Именно о примерах художественного творчества пишет Б.А. Кистяковский применительно к особенностям социального бытия.

Точка зрения В. Татаркевича на развитие теории формы в европейском познании позволяет по-новому рассмотреть вопрос о природе формы в социальных науках и природе права в юридической науке, в определенном смысле «легитимизирует», подтверждает правомочность исследовательского поиска по направлению к рассмотрению формы не как понятийной характеристики явления, а конкретно существующего элемента реальности, рассмотрение «формочности» нормы не только со стороны кантовской философии, когда форма объединяет признаки явления в нашем сознании, но и с точки зрения реально существующей формы, совокупности содержания нормы, выраженной конкретными границами, *воспринимаемыми и нашим сознанием* (здесь более определенным становится выход на теоретическую позицию Л. Петражицкого), *и существующими в социальной реальности*, соединения нормы как нормативности и далее нормированности для конкретно исторического процесса социогенеза и «формности», реальности очерченных в словесной оболочке границ, не характеристики признаков явления в определении, а формы как конкретного элемента социальной действительности, очерченного *в результате социальных* (социальная природа права) *и логических* (взаимодействие элементов в процессе складывания природы социальной нормы) сил. В силу неоднократных теоретических переходов от античной философии к философии схоластики наметился не только переход от понимания формы как *«morfe»* к ее восприятию в качестве эйдоса, но для теории познания благодаря философии Аристотеля состоялось полное замещение понятие формы на «eidos».

Если Платон двумерно рассматривал мир идей и мир вещей, то Аристотель своим понятием первоформы, пример которой он видел в скульптуре, постарался довести учение своего учителя до завершающего аккорда. Передавая через пример скульптуры образ внешней формы, он понимал его уже как форму понятийную, эйдос и тем самым связал мир внешний и внутренний, форму как внешне очерченный круг и форму как соединение элементов явления в понятии, тем самым обеспечив дальнейшее развитие теории познания на началах категорий. После этого мир теоретических явлений как понятий навсегда отделился от содержания явления, его конкретно-исторического развития и существования¹, а в культуре мышления форма навсегда превратилась из реального объекта в возникающий в познании объект. Подобная точка зрения была развита в европейской теории познания в период схоластики и в теории познания И. Канта.

Восприятие формы как категории – такова была фундаментальная точка в развитии европейской теории познания и цена цивилизационных переходов и наслоений, получивших свое подкрепление в европейской теории схоластики и гносеологической традиции в познании, несмотря на то, что и Платон, и Аристотель указывали на невозможность рассмотрения явления вне связи с процессом его развития. Производство этого «онтического» для теории познания момента в процессе создания нормы сродни выделяемому в процессе взаимодействия атомами излучения, оно предощущается, воспринимается авторами и ведет не только к познанию содержания интегративного понимания права, но и разрешает познавательные проблемы теории познания в целом, когда форма воспринимается не только как элемент

¹ О наличии подобных барьеров пишет известный специалист по теории познания Л.А. Микешина. См.: [10].

нашего мышления, но и реальный объект социальной действительности, формирующийся в процессе рождения нормы.

Возможно, в содержании такого перехода в мышлении следует воспринимать указание Б.А. Кистяковского по поводу «научного идеализма». В таком понимании социальная форма выполняет значение внутренней формы для внешней формы права. Последняя взаимодействует с нею на онтологическом уровне, связана по факту рождения, поскольку первая социальная форма порождает взаимодействие с социальной действительностью, нормируемой ею и подобное сочетание словесной установки и социальной реальности всегда будет составной частью работы законодателя, без чего данная внешняя форма закона невозможна.

Таким образом, исследование интегративной природы права возможно только на новой теоретической, исследовательской площадке, предусматривающей изучение права и общества как реальных феноменов с объяснением причин их реальности посредством фиксации особой природы общественных связей, общественных взаимодействий и фасцинации конкретно-исторического и теоретического уровней развития социальной нормы, а также взаимосвязей процессов полито и правогенеза. Интегративное правопонимание связано с доказательством единства двух кругов порождения права, социального, выраженного в социальном взаимодействии в социальном мире и рождении социальной нормы, и собственно юридического круга, в котором в рамках завершающегося процесса политогенеза происходит рождение высшей формы формогенеза (здесь Г. Кельзен был безусловно прав) с точки зрения ее природы, то есть, ее формы, максимально совершенной благодаря деятельности законодателя и превращающей социальное содержание в правовое, подобно тому, как социальная норма творит нормативное содержание, превращая общество в общество, в его реальность и делает возможным труд законодателя по совершенствованию формы нормы, является онтологическим источником для нормы права.

Список источников

1. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М.: Изд-во МГУ, 1998. 624 с.
2. Леусенко Д. А. Интегративное правопонимание. Монография. Под ред. доктора юридических наук, профессора Шатковской Т.В. Ростов н/Д: ЮРИУ РАНХиГС, 2022.
3. Леусенко Д. А. Развитие нормы: анализ природы нормы как основание интегративного понимания права, интегративный эффект и превращенная форма в теории права // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 1. С. 45–53.
4. Теория государства и права: Учебник / Под редакцией В. Н. Корнева. М.: РАП, 2014.
5. Леусенко Д. А. Происхождение государства и права. Учебное пособие. Под ред. доктора юридических наук, профессора, члена-корреспондента РАН Г.В.Мальцева. Ростов н/Д.: Изд-во «Эверест», 2012. 160 с.
6. Кистяковский Б.А. Право как социальное явление. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1916. 708 с.
7. Lazarev V. Integrative perception of law. Kazan university law review / Volume 1, Fall 2016, Number 1, p. 19-32.
8. Гаджиев Г.А. Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности). М.: Норма, 2013. 319 с.
9. Татаркевич В. История шести понятий. М.: Дом интеллектуальной книги, 2002.
10. Микешина Л.А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования: учеб. пособие. М.: Прогресс-Традиция: МПСИ: Флинта, 2005.

References

1. Berman G. J. *The Western tradition of law: the epoch of formation*. Moscow: Publishing House of Moscow State University; 1998. 624 p. (In Russ.)
2. Leusenko D. A. *Integrative legal understanding*. Rostov-on-Don; 2023. (In Russ.)

3. Leusenko D. A. Development of the norm: analysis of the nature of the norm as the basis of the integrative understanding of law, the integrative effect and the transformed form in the theory of law. *North Caucasian Legal Vestnik*. 2022;(1):45–53. (In Russ.)
4. *Theory of State and Law: Textbook*. Edited by V.N. Kornev. Moscow; 2014. (In Russ.)
5. Leusenko D.A. *The origin of the state and law. Study guide*. Edited by Doctor of Law, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences G.V.Maltsev. Rostov-on-Don, Everest Publishing House; 2012. 160 p. (In Russ.)
6. Kistyakovskiy B.A. *Law as a social phenomenon*. Moscow: Edition of M. and S. Sabashnikov; 1916. 708 p. (In Russ.)
7. Lazarev V. Integrative perception of law. *Kazan university law review* / Volume 1, Fall 2016, Number 1, p. 19-32.
8. Gadzhiev G. A. *Ontology of law: (critical study of the legal concept of reality)*. Moscow: Norma; 2013. 319 p. (In Russ.)
9. Tatarkevich V. *The History of six concepts*. Moscow: House of Intellectual Books; 2002. (In Russ.)
10. Mikesheva L. A. *Philosophy of science: Modern epistemology. Scientific knowledge in the dynamics of culture. Methodology of scientific research: studies. manual*. Moscow: Progress-Tradition: MPSI:Flint; 2005. (In Russ.)

Информация об авторе

Д. А. Леусенко – кандидат философских наук, доцент кафедры теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

D. A. Leusenko – Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor of the Department of Theory and History of Law and State of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 23.11.2023; одобрена после рецензирования 04.12.2023; принята к публикации 05.12.2023.

The article was submitted 23.11.2023; approved after reviewing 04.12.2023; accepted for publication 05.12.2023.